

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCESS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 14.07.2021
рецензирования: 15.08.2021
принятия: 29.09.2021

Егор В. Качалов

Правовой департамент Министерства обороны РФ, г. Москва,
Российская Федерация

Особенности ограничения конституционных прав участников досудебного производства в уголовном процессе

Аннотация: в силу специфики уголовного судопроизводства для достижения его задач при производстве по уголовным делам могут подлежать ограничению некоторые права и свободы лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Наибольшим ограничениям при производстве по уголовным делам подвергаются такие конституционные права, как право на свободу и личную неприкосновенность; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право на неприкосновенность жилища. Посредством применения диалектического метода, а также формально-логического, системного методов, методов анализа и синтеза в статье рассматриваются особенности ограничения конституционных прав участников досудебного производства в уголовном процессе. Ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства может осуществляться путем проведения следственных действий (обыск, выемка, контроль и запись переговоров и др.) и применения мер уголовно-процессуального принуждения (задержание, меры пресечения, иные меры принуждения). Цели ограничения прав участников досудебного производства в каждом конкретном случае совпадают с целями проведения процессуальных действий – получение и проверка доказательств, обеспечение явки участников процесса, обеспечение безопасности, отсутствие воспрепятствования расследованию, пресечение преступной деятельности. Основания для ограничения прав участников уголовного судопроизводства должны быть установлены на основе анализа фактических обстоятельств дела, которые подтверждают наличие оснований для проведения следственных и процессуальных действий, которыми ограничиваются конституционные права граждан. Применению при всей возможности выбора должно подлежать минимальное ограничение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, лишь это позволит достичь поставленных целей. Ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства будет являться правомерным в том случае, если соблюдены следующие условия: ограничения имеют правомерную цель; применяются в строгом соответствии с законом; соблюдены все условия и основания для ограничения прав участников уголовного судопроизводства; ограничения осуществлены на основании процессуального решения, вынесенного в рамках предусмотренной уголовно-процессуальным законом процедуры с обеспечением процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, позволяющим защищаться от принуждения; ограничения являются соразмерными той цели, для достижения которой применяются и не превышают необходимых пределов принуждения; ограничения имеют конкретные сроки; ограничения подлежат контролю и могут быть обжалованы в рамках процессуального контроля, прокурорского надзора и в суд.

Ключевые слова: ограничение прав; участники уголовного судопроизводства; меры принуждения; конституционные права; следственные действия.

Цитирование: Качалов, Егор В. 2021. “Особенности ограничения конституционных прав участников досудебного производства в уголовном процессе”. *Юридический аналитический журнал* 16 (3): 37–45. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2021-16-3-37-45>.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Егор В. Качалов, 2021

Егор В. Качалов, главный специалист-эксперт Правового департамента Министерства обороны РФ, 119160, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 19.

e-mail: kachalov.eg@yandex.ru

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 14.07.2021
Revised: 15.08.2021
Accepted: 29.09.2021**Egor V. Kachalov** Legal Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation**Features of the restriction of constitutional rights of participants in pre-trial proceedings in criminal proceedings**

Abstract: due to the specifics of criminal proceedings, in order to achieve its objectives in criminal proceedings, certain rights and freedoms of persons involved in criminal procedural activities may be subject to restriction. Such constitutional rights as the right to freedom and personal inviolability; the right to secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraphic and other communications; the right to inviolability of the home are subject to the greatest restrictions in criminal proceedings. Through the application of the dialectical method, as well as formal-logical, systematic methods, methods of analysis and synthesis, the article examines the features of limiting the constitutional rights of participants in pre-trial proceedings in criminal proceedings. The restriction of the constitutional rights of participants in criminal proceedings may be carried out by conducting investigative actions (search, seizure, control and recording of negotiations, etc.) and the use of measures of criminal procedural coercion (detention, preventive measures, other coercive measures). The goals of restricting the rights of participants in pre-trial proceedings in each specific case coincide with the goals of conducting procedural actions – obtaining and verifying evidence, ensuring the appearance of participants in the process, ensuring security, the absence of obstruction of the investigation, suppression of criminal activity. The grounds for restricting the rights of participants in criminal proceedings should be established on the basis of an analysis of the factual circumstances of the case, which confirm the existence of grounds for conducting investigative and procedural actions that limit the constitutional rights of citizens. The application, with all the possibility of choice, should be subject to the minimum degree of restriction of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings, compulsory, which is able to achieve the goals set for it. The restriction of constitutional rights of participants in criminal proceedings will be lawful if the following conditions are met: restrictions have a legitimate purpose; are applied in strict accordance with the law; all conditions and grounds for restricting the rights of participants in criminal proceedings are met; restrictions are carried out on the basis of a procedural decision made within the framework of the procedure provided for by the criminal procedure law with ensuring the procedural rights of participants in criminal proceedings, allowing them to defend themselves from coercion; restrictions are proportionate to the purpose for which they are applied and do not exceed the necessary limits of coercion; restrictions have specific deadlines; restrictions are subject to control and can be appealed within the framework of procedural control, prosecutor's supervision and to the court.

Key words: restriction of rights; participants in criminal proceedings; coercive measures; constitutional rights; investigative actions.

Citation: Kachalov, Evgeniy V. 2021. Features of the restriction of constitutional rights of participants in pre-trial proceedings in criminal proceedings. *Juridical Analytical Journal* 16(3): 37–45. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2021-16-3-37-45>. (In Russian)

Conflicts of interest: the author declared no conflicts of interest.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Egor V. Kachalov, 2021

Egor V. Kachalov, chief specialist-expert, Legal Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 19, Znamenka street, Moscow, 119160, Russian Federation.

e-mail: kachalov.eg@yandex.ru

Введение

В силу специфики уголовного судопроизводства для достижения его задач при производстве по уголовным делам могут подлежать ограничению некоторые права и свободы лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную де-

ятельность. Наибольшим ограничениям при производстве по уголовным делам подвергаются такие конституционные права, как право на свободу и личную неприкосновенность (часть 2 статьи 22); право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и

иных сообщений (часть 2 статьи 23); право на неприкосновенность жилища (статья 25). Ограничение этих прав происходит при применении мер уголовно-процессуального принуждения, при производстве ряда следственных действий (обыск, выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами, наложение ареста на корреспонденцию в учреждениях связи), при принудительном взятии образцов для сравнительного исследования и проведения экспертизы.

Основное исследование

К числу участников уголовного судопроизводства, чьи конституционные права могут быть ограничены, относятся в первую очередь лица, подвергаемые уголовному преследованию – подозреваемый и обвиняемый, однако в ряде случаев ограничения могут касаться и иных участников уголовного судопроизводства. Право потерпевшего, свидетеля и лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, на свободу и личную неприкосновенность может быть ограничено, если подвергнуты приводу в случае неявки по вызову без уважительных причин (часть 1 статьи 113 УПК РФ).

Право потерпевшего на свободу и личную неприкосновенность также может быть ограничено, если он добровольно не соглашается на производство в отношении него экспертизы в тех случаях, когда она является обязательной: для определения характера и степени вреда, причиненного здоровью; для определения психического или физического состояния потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; для определения возраста потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение (статья 195 УПК РФ).

Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений может быть ограничено в отношении не только подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, но также и свидетеля, законного представителя, иных участников процесса при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в них или их близких родственников, родственников, близких лиц путем осуществления контроля и записи телефонных и иных переговоров (часть 2 статьи 186

УПК РФ). Данное право может быть ограничено и при проведении такого действия, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела (статья 186.1 УПК РФ), а также при наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотре и выемке, проводимых при наличии достаточных оснований полагать, что предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиogramмах (статья 185 УПК РФ).

Право на неприкосновенность жилища может быть ограничено в отношении любого лица, в том числе не являющегося участником уголовного судопроизводства при проведении обыска или выемки в жилище (статьи 182, 183 УПК РФ).

Ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства может осуществляться путем: проведения следственных действий (обыск, выемка, контроль и запись переговоров и др.); применения мер уголовно-процессуального принуждения (задержание, меры пресечения, иные меры принуждения).

Непосредственные цели ограничения прав участников досудебного производства в каждом конкретном случае совпадают с целями проведения соответствующих следственных или процессуальных действий – получение и проверка доказательств, обеспечение явки участников процесса, обеспечение безопасности, отсутствие воспрепятствования расследованию, прекращение преступной деятельности и т. п. Основания ограничения конституционных прав участников досудебного производства также совпадают с основаниями для проведения следственных и процессуальных действий, в ходе которых они ограничиваются, и представляют собой причины, по которым эти действия проводятся. Основания для ограничения прав участников уголовного судопроизводства должны быть установлены на основе анализа фактических обстоятельств дела, которые подтверждают наличие оснований для проведения следственных и процессуальных действий, которыми ограничиваются конституционные права граждан.

Наиболее существенным ограничением конституционных прав участников уголовного

судопроизводства является ограничение права на свободу и личную неприкосновенность путем применения мер уголовно-процессуального принуждения – задержания, домашнего ареста и заключения под стражу. Задержание представляет собой кратковременное ограничение свободы лица, подозреваемого в совершении преступления. С.И. Вершинина определяет следующие цели задержания: «...предупреждение его сокрытия и создание условий для установления его личности и/или решения вопроса о применении к нему меры пресечения; обеспечение участия в судебном заседании, рассматривающем ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, если имеются основания для его заключения под стражу» (Вершинина 2017, 12). На наш взгляд, С.И. Вершинина не вполне удачно объединяет понятия цели и задачи задержания, поскольку в качестве цели задержания может рассматриваться предупреждение его сокрытия, все остальные указываемые автором основания скорее являются производными от этого и могут быть рассмотрены как задачи – создание условий для установления его личности, решение вопроса о мере пресечения, обеспечение участия в судебном заседании при избрании заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий и залога. С.Б. Россинский полагает, что основная цель задержания подозреваемого – это «обеспечение нахождения лица «при уголовном деле», то есть в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста». Дополнительными целями задержания ученый называет «воспрепятствование другим формам противодействия расследованию (воздействию на свидетелей, экспертов, уничтожению доказательств и т. д.)», а также пресечение иной преступной деятельности (Россинский 2019, 17).

Полагаем, что целью задержания может быть также пресечение конкретного преступления, если лицо задерживается в момент его совершения. С.И. Вершинина предлагает в систему оснований для задержания лица в ходе досудебного производства по делу добавить также объявление лица в розыск (Вершинина 2017, 12). Полагаем это излишним. При задержании лица, объявленного в розыск, а соответственно, скрывшегося, может быть применено

статья 91 УПК РФ: при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться. Ограничение права на свободу при задержании лица, которое по конституционно-правовому смыслу в автономном понимании Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ является формой лишения свободы, ставит на повестку дня вопросы о проблеме, когда лицо фактически задержано и лишено свободы, но задержание документально не оформлено. В этом случае содержание лица под стражей, во-первых, незаконно; во-вторых, лишает фактически задержанное лицо возможности быть уведомленным о его процессуальных правах (право хранить молчание, право не свидетельствовать против себя, право пользоваться помощью защитника); в-третьих, создает угрозу жестокого обращения со стороны правоохранительных органов и риск получения признательных показаний в результате жестокого обращения.

В этом случае, согласно стандартам ЕСПЧ, срок незадокументированного задержания должен быть признан незаконным, зачет в срок содержания под стражей, а лицо может получить достаточную компенсацию за незаконное задержание, подав иск о компенсации морального вреда¹.

Поскольку задержание является весьма кратковременным ограничением свободы, то ограничение конституционного права на свободу в этом случае не столь существенно, как, например, при применении самых строгих мер пресечения – заключения под стражу и домашнего ареста. Следует отметить, что с позиций ограничения права на свободу и личную неприкосновенность эти меры пресечения совершенно идентичны, несмотря на то, что в целом, конечно же, домашний арест является более мягкой и более гуманной мерой пресечения ввиду того, что отбывается в комфортных домашних или иных аналогичных условиях. Эта позиция была высказана Конституционным Судом РФ еще в 2011 году, который при установлении конституционно-правового смысла понятия «лишение свободы» пришел к выводу, что и домашний арест, и заключение под стражу связаны с принудительным пребыванием лица в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопре-

¹ Постановление ЕСПЧ “Fartalnov and Others v. Russia” № 7077/06, 26/06/2016.

деленным кругом лиц, то есть с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления. И домашний арест, и заключение под стражу являются формами лишения свободы². Е.В. Марковичева совершенно обоснованно пишет о том, что домашний арест трансформировался в меру пресечения, сущность которого составляет полная изоляция (Марковичева 2019, 23–26).

Эта же позиция неоднократно была высказана и в решениях ЕСПЧ³. 16 октября 2021 г. ЕСПЧ принял важное решение «Ковров и другие против России»⁴, где впервые применительно к российским делам признал в качестве нарушений права на свободу и личную неприкосновенность необоснованное применение домашнего ареста. В данном деле заявители были арестованы по подозрению в различных преступлениях и помещены под домашний арест. Суды продлевали срок домашнего ареста, используя шаблонные доводы и перечисляя основания, предусмотренные УПК РФ, не связывая их с обстоятельствами дел и не проверяя, сохранялись ли эти основания на последующих этапах производства по делу, полагаясь в основном на тяжесть обвинений. Апелляционные суды воспроизвели формулировки решений судов первой инстанции и отклонили апелляции. Европейский Суд, признавая нарушения, ориентировался в данном случае на степень и интенсивность лишения свободы, а не на различия в комфорте или внутреннем режиме. Такой подход означает одинаковую степень ограничения свободы при домашнем аресте и заключении под стражу и предполагает при принятии решений о домашнем аресте и его продлении применение тех же оснований, условий и критериев, как и при заключении под стражу.

В научных дискуссиях периодически звучат предложения о необходимости дифференцировать основания для применения мер пресечения различной строгости; на законодательном уровне определить достаточность оснований

для применения мер пресечения и т. д. Так, например, С.И. Вершинина предлагает внести в УПК РФ норму следующего содержания: «под достаточными основаниями применения мер пресечения понимаются сведения (доказательства), полученные из предусмотренных законом источников, которые подтверждают наличие либо отсутствие обстоятельств, обуславливающих наступление событий...» (Вершинина 2017, 13). По нашему мнению, сведения никак не могут сами по себе быть определены как «достаточные основания», достаточность является оценочной категорией, которая определяется по внутреннему убеждению лица, принимающего решение о применении той или иной меры пресечения, и не может быть определена законодательно, тем более таким образом. Аналогичным образом не могут и не должны быть законодательно дифференцированы основания для применения различных мер пресечения. Многообразие факторов, определяющих необходимость применения мер пресечения, уникальность каждой отдельно взятой ситуации каждого обвиняемого даже в рамках одного и того же уголовного дела не позволяют законодательно формализовать дифференцированные критерии. Полагаем, что и необходимости в этом нет. Это та сфера, где выбор меры пресечения должен осуществляться индивидуально на основании внутреннего убеждения лица, принимающего решение об этом, базироваться на тщательном анализе необходимых для этого материалов уголовного дела, подтверждающих наличие оснований для применения той или иной меры пресечения. Так, например, В.И. Качалов и О.В. Качалова выделяют 23 критерия, которые позволяют суду принять решение о необходимости заключения лица под стражу, каждый из которых предполагает выяснение нескольких обстоятельств (наличие обоснованного подозрения (обвинения) в совершении преступления, квалификация, тяжесть и характер преступления, место жительства, работа, сбережения, семья, иждивенцы, гражданство, контакты за рубежом, поведение, состояние здоровья, факты прошлых судимостей, личностные особенности, моральный облик и т. д.) (характеристики с места работы, учебы, по месту жительства) (Качалова, Качалов 2019, 52–56). Очевидно, что комбинаций этих критериев и факторов может быть великое множество, их значимость и вес не одинаковы, они оцениваются в совокупности. Количество критериев не должно заменять объективную оценку судом ситуации, основанной на анализе

² Постановление № 27-П от 6 декабря 2011 года «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина».

³ Бузаджи против Молдовы [GC], no. 23755/07, § 104; Манчини против Италии, № 44955/98, § 17, ЕСПЧ 2001-IX; Лавентс против Латвии, № 58442/00, § 64–66, 28 ноября 2002 года; Делиджорджи против Албании, № 6858/11, § 75, 28 апреля 2015 года и др.).

⁴ «Ковров и другие против России» (42296/09, 71805/11, 75089/13 и др.). [https://hudoc.echr.coe.int/rus/{%22itemid%22:\[%22001-213227%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/rus/{%22itemid%22:[%22001-213227%22]}).

совокупности обстоятельств в каждом конкретном деле.

Принимая решение о применении меры пресечения, суд должен руководствоваться тем, что в силу презумпции невиновности для лишения свободы лица, не признанного судом виновным, нужны очень веские основания, а заключение под стражу должно применяться как исключительная мера пресечения. При этом следует руководствоваться правилом о том, что применению при всей возможности выбора должна подлежать минимальная по степени ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства мера пресечения, которая способна достичь поставленных перед ней целей.

К.В. Муравьев справедливо пишет о требовании об экономии процессуального принуждения, в соответствии с которым более строгая мера пресечения может избираться только после обсуждения возможности применения более мягкой меры (Муравьев 2021, 7–16).

По сравнению с мерами пресечения, которые фактически представляют собой лишение свободы, более мягкие меры ограничивают право на свободу в гораздо меньшей степени. Однако минимальность в ограничении этого права не означает, что оно должно быть бесконтрольным. О.И. Цоколова совершенно справедливо отмечает, что подписка о невыезде практически «применяется без каких-либо достаточных оснований к каждому обвиняемому... сроки ее не ограничены». Автор предлагает законодательно ограничить срок применения этой меры пресечения с возможностью его продления, засчитывать время нахождения под подпиской о невыезде в срок лишения свободы из расчета 3 дня за 1 день лишения свободы (Цоколова 2019, 247–250). С таким подходом нельзя не согласиться. Любые ограничения прав участников уголовного судопроизводства должны быть ограничены сроками, а их применение в дальнейшем учитываться при расчете срока наказания.

Ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства будет являться правомерным в том случае, если соблюдены следующие условия:

- ограничения имеют правомерную цель;
- ограничения применяются в строгом соответствии с законом;
- соблюдены все условия и основания для ограничения прав участников уголовного судопроизводства;
- осуществлены на основании процессуального решения, вынесенного в рамках преду-

смотренной уголовно-процессуальным законом процедуры с обеспечением процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, позволяющей защищаться от принуждения;

– ограничения являются соразмерными той цели, для достижения которой применяются и не превышают необходимых пределов принуждения;

– ограничения имеют конкретные сроки;

– ограничения подлежат контролю и могут быть обжалованы в рамках процессуального контроля, прокурорского надзора и в суд.

Несоблюдение хотя бы одного из вышеуказанных условий делает ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства неправомерным, а по сути означает нарушение прав и свобод участников уголовного судопроизводства ввиду незаконного и/или необоснованного применения принудительных мер. Так, апелляционным постановлением Московского городского суда была отменена мера пресечения в виде запрета определенных действий, принятая решением Никулинского районного суда г. Москвы ввиду несоблюдения судом условий ее применения. Суд апелляционной инстанции установил, что, придя к выводу о необходимости избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий, суд первой инстанции не проверил и не высказал никакого суждения о причастности Е. к совершению преступления⁵.

Ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства требует усиления контроля со стороны суда за их применением, а также выработки дополнительных мер по защите этих прав от необоснованного ограничения. Одной из таких мер может стать введение компенсации за необоснованное и чрезмерно длительное ограничение важнейших конституционных прав граждан. ЕСПЧ неоднократно обращал внимание на то, что в настоящее время, согласно УПК РФ, компенсация в порядке реабилитации возможна лишь за незаконность применения принудительных мер (заключения под стражу и домашнего ареста), компенсация за необоснованность их применения не предусмотрена. ЕСПЧ неоднократно устанавливал нарушение пункта 5 статьи 5 ЕКПЧ (каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу, имеет право на компенсацию) в связи с отсутствием обеспеченного правовой санкцией права на компенсацию

⁵ Апелляционное постановление Московского городского суда от 12 июля 2018 г. по делу № 10-12165/18. Архив Московского городского суда за 2018 г.

за нарушение права на судебное разбирательство в разумные сроки или на освобождение до суда во многих российских делах⁶. Согласно соответствующим положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, решение о возмещении ущерба может быть вынесено только в том случае, если задержание будет признано незаконным.

Алгоритм ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства выглядит следующим образом:

1. Следователь (дознатель), планируя ход расследования, приходит к выводу о необходимости:

– получения доказательств путем проведения следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы участников процесса;

– применения меры принуждения, позволяющей обеспечить надлежащее поведение участника досудебного производства/обеспечить необходимый режим производства по уголовному делу.

2. Принимает процессуальный акт, которым оформляет принятое решение.

3. При необходимости получает разрешение суда на его проведение (легализует результаты следственного действия, проведенного в неотложных обстоятельствах без судебного разрешения).

При этом судебное заседание по рассмотрению вопроса о применении меры пресечения происходит в условиях состязательности, для этого следователь обеспечивает для обвиняемого (подозреваемого) и его защитника возможность знакомиться с материалами уголовного дела, при получении разрешения на проведение следственных действий и применение иных мер принуждения участие сторон и состязательная процедура не требуется.

Нарушение состязательной процедуры в случаях, когда она предусмотрена законом для ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства, делает такое ограничение незаконным и влечет отмену судебного решения вышестоящим судом. Так,

⁶ Постановление ЕСПЧ “Коршунов против России”, № 38971/06, §§ 55-63, 25 октября 2007 года”; Постановление ЕСПЧ “Говорушко против России”, № 42940/06, § 45, 25 October 2007). § 61; Постановление ЕСПЧ “Ласточкин и другие против России”, № 7121/15 и т. д., § 11, 29 Март 2018 года; Постановление ЕСПЧ “Максутов и другие против России”, № 33982/17 и т. д., § 11, 30 июля 2020 года; Постановление ЕСПЧ “Ржанов и другие против России”. Россия. № 29295/18 и т. д., § 11, 29 апреля 2021 года и др. <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-213227%22%5D%7D>].

Томский областной суд отменил решение Шегарского районного суда Томской области, поскольку из протокола судебного заседания было установлено, что обвиняемый Ч. и его адвокат С. принимали участие в судебном заседании по рассмотрению судом ходатайства об избрании в отношении Ч. меры пресечения в виде заключения под стражу, но при этом председательствующим не было предоставлено им право высказать свое мнение по вопросу об избрании меры пресечения⁷. Апелляционная инстанция пришла к выводу, что несоблюдение судом первой инстанции процедуры судопроизводства повлекло нарушение принципа состязательности сторон, лишило гарантированного Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законом права обвиняемого на защиту при разрешении вопроса об избрании меры пресечения, поскольку ограничило возможность стороны защиты выразить свою позицию в судебном заседании.

4. Проведение следственного действия или применение меры пресечения, ограничивающей конституционные права и свободы граждан.

5. Обжалование ограничительных мер.

Выводы

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства может осуществляться путем:

– проведения следственных действий (обыск, выемка, контроль и запись переговоров и др.);

– применения мер уголовно-процессуального принуждения (задержание, меры пресечения, иные меры принуждения).

2. Непосредственные цели ограничения прав участников досудебного производства в каждом конкретном случае совпадают с целями проведения соответствующих следственных или процессуальных действий – получение и проверка доказательств, обеспечение явки участников процесса, обеспечение безопасности, отсутствие воспрепятствования расследованию, прекращение преступной деятельности и т. п.

3. Основания ограничения конституционных прав участников досудебного производства также совпадают с основаниями для проведения следственных и процессуальных действий, в ходе которых они ограничиваются, и представляют собой причины, по которым эти действия проводятся.

⁷ Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-2519/2020 22К-2519/2020 от 30 декабря 2020 г. по делу № 3/1-17/2020. <https://sudact.ru>.

4. Основания для ограничения прав участников уголовного судопроизводства должны быть установлены на основе анализа фактических обстоятельств дела, которые подтверждают наличие оснований для проведения следственных и процессуальных действий, которыми ограничиваются конституционные права граждан.

5. Применению при всей возможности выбора должно подлежать минимальное ограничение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, лишь это позволит достичь поставленных целей.

6. Ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства будет являться правомерным в том случае, если соблюденные ограничения имеют правомерную цель, применяются они в строгом соответствии с законом и соблюдены все условия и основания для ограничения прав участников уголовного судопроизводства, при этом ограничения осуществлены на основании процессуального решения, вынесенного в рамках предусмотренной уголовно-процессуальным законом процедуры с обеспечением процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, позволяющим защищаться от принуждения, а также ограничения должны быть соразмерными той цели, для достижения которой применяются и не превышают необходимых пределов принуждения, ограничения подлежат

контролю и могут быть обжалованы в рамках процессуального контроля, прокурорского надзора и в суд.

7. Алгоритм ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства выглядит следующим образом:

1) следователь (дознатель), планируя ход расследования, приходит к выводу о необходимости:

– получения доказательств путем проведения следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы участников процесса;

– применения меры принуждения, позволяющей обеспечить надлежащее поведение участника досудебного производства/обеспечить необходимый режим производства по уголовному делу;

2) принимает процессуальный акт, которым оформляет принятое решение;

3) при необходимости получает разрешение суда на его проведение (легализует результаты следственного действия, проведенного в неотложных обстоятельствах без судебного разрешения);

4) проведение следственного действия или применение меры пресечения, ограничивающей конституционные права и свободы граждан;

5) обжалование ограничительных мер.

Библиография

Вершинина, Светлана И. 2017. *Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти. <https://www.prlib.ru/item/1281191>.

Качалова, Оксана В., Виктор И. Качалов. 2019. *Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления*. Москва: Деловой стиль. <https://rm.coe.int/kachalov-handbook-detention-as-a-measure-of-restraint-rus/1680a1cb64>.

Марковичева, Елена В. 2019. “Трансформация домашнего ареста в российском уголовном судопроизводстве”. *Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования* 1: 23–26. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41445091>.

Муравьев, Кирилл В. 2021. “20 лет совершенствования института мер пресечения: итоги и направления дальнейшего реформирования”. *Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования* 1: 7–16. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46942882>.

Росинский, Сергей Б. 2019. “Дискуссия “Тарасов vs Росинский” о задержании подозреваемого: подведение первых итогов”. *Юридический вестник Самарского университета* 5(1): 13–19. <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-13-19>.

Цоколова, Ольга И. 2019. “Современные проблемы и тенденции применения мер пресечения”. *Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования* 2(1): 247–250. <https://elibrary.ru/item.asp?id=41445126>.

References

Kachalova, Oksana V., Viktor I. Kachalov. 2019. *Detention as a measure of restraint: validity of application and extension*. Moscow: Delovoi stil'. <https://rm.coe.int/kachalov-handbook-detention-as-a-measure-of-restraint-rus/1680a1cb64>. (In Russian)

Markovicheva, Elena V. 2019. "The transformation of house arrest in the Russian criminal proceedings". *Sovremennoe ugovno-protsessual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniia* 2(1): 23–26. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41445091>. (In Russian)

Muravyev, Kirill V. 2021. "20 years of improvement of the institute of preventive measures: results and directions of further research". *Sovremennoe ugovno-protsessual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniia* 2(1): 7–16. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46942882>. (In Russian)

Rossinskiy, Sergei B. 2019. "Discussion "Tarasov vs Rossinskiy" about detention of the suspect: summing up the first results". *Juridical Journal of Samara University* 5(1): 13–19. <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-13-19>. (In Russian)

Tsokolova, Olga I. 2019. "Current problems and trends in the use of preventive measures (printed in abbreviated form)". *Sovremennoe ugovno-protsessual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniia* 2(1): 247–250. <https://elibrary.ru/item.asp?id=41445126>. (In Russian)

Vershinina, Svetlana I. 2017. *State coercion in criminal proceedings: legal nature and mechanism of functioning*: author's abstract of Doctoral of Laws thesis. Togliatti. <https://www.prlib.ru/item/1281191>. (In Russian)